

щамъ, а древо стугою къ
земли преклонилось. Уже
бо, братіе, не веселая година
вѣстала, уже пустыни силу
прикрыла. Вѣстала обида
вѣсилахъ Дажь - Божа вну-
ка. Вступилъ дѣвою на зем-
лю Трояню; вѣсплескала ле-
бедными крылы на синѣмъ
море у Дону плещути,
убуди жирна времена.
Усобица Княземъ на по-
ганыхъ погыбе, рекоста бо
братъ брату: се мое, а
то моеже; и нагяша Кня-
зи про малое, се вели-
кое мѣвити, а сами на
себѣ крамолу ковати: а
поганинъ съ всѣхъ странъ
прихождаху съ побѣдами
на землю Рускую О! да-

деревья отъ печали. Невесе-
лая уже, братцы, пора при-
шла: пала въ пустыни си-
ла многая, возспала обида
Дажь - Божевымъ внукамъ.
Она вступивъ дѣвою на зем-
лю Троянову, восплескала
крылами лебединными, на си-
неи морѣ у Дону купаю-
чись, разбудила времена
тяжкія: Перестали Князья
нападать на невѣрныхъ,
братъ брату сталъ гово-
рить: „се мое, и то моеже,“
Начали Князья за малое, какъ
будто бы за великое, ссо-
риться и сами на себя
крамолу ковати. Тѣмъ вре-
менемъ нечестивые со
всѣхъ сторонъ спекались
на одолѣніе Русской земли. О!

шались какъ пребул, дабы прежде младшіе Князья всѣ и Вое-
воды были выкуплены по назначенной въ расписи цѣнѣ. — *Татищевъ*
III. стр. 266, 269.